

УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Между Веной, Берлином и Киевом
1914—1918 гг.

Новейшие исследования по всеобщей истории

Дмитрий Парфирьев

**Украинское движение в
Австро-Венгрии в годы Первой
мировой войны. Между Венной,
Берлином и Киевом. 1914—1918**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(436)
ББК 63.3(4Укр)

Парфирьев Д. С.

Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914—1918 /
Д. С. Парфирьев — «Центрполиграф», 2023 — (Новейшие исследования по всеобщей истории)

ISBN 978-5-227-10369-7

В книге показано то, как Первая мировая война катализировала развитие украинского национального движения в империи Габсбургов. Обострение конфронтации с поляками, разгром русофильского движения, уступки имперского центра и поддержка со стороны Германии свелись к тому, что украинский национальный проект стал безальтернативным для русинского населения Галиции и Буковины. Главным средством экспансии украинского движения была национальная мобилизация, охватившая русинов на передовой, в тылу и на прифронтовых территориях. Украинские политики, чьей целью до самого распада Австро-Венгрии была автономия в составе империи, не заметили, как чаяния населения опередили их намерения, — к концу 1918 г. на местах господствовала идея независимого украинского государства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(436)
ББК 63.3(4Укр)

ISBN 978-5-227-10369-7

© Парфирьев Д. С., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Слова благодарности	6
Введение	7
Глава 1	15
1.1. Украинское движение в Дунайской монархии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Парфирьев
Украинское движение в Австро-Венгрии
в годы Первой мировой войны. Между
Веной, Берлином и Киевом. 1914—1918

Новейшие исследования по всеобщей истории
Институт славяноведения Российской академии наук

Серия «Новейшие исследования по всеобщей истории» основана в 2023 г.

Книга рекомендована к печати решением Ученого совета Института славяноведения РАН от 28.02.2023

Научный редактор: Г.Ф. Матвеев, д.и.н., проф., заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты: д.и.н. А.Ю. Бахтурина, к.и.н. Ю.А. Борисенок, к.и.н. М.Э. Клопова

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Парфирьев Д.С., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Слова благодарности

Книга, которую читатель держит в руках, начиналась как моя кандидатская диссертация, а та, в свою очередь, продолжала тему магистерской работы. Обе были написаны и защищены в рамках специализации по кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Я хотел бы выразить признательность всему коллективу кафедры, а особенно ее заведующему, моему научному руководителю и наставнику Г.Ф. Матвееву. Геннадий Филиппович помногу и с пристрастием редактировал и комментировал мои тексты, помогал добывать литературу на польском языке и связал меня с коллегами во Львове – без его посредничества моя работа во львовских архивах и библиотеках вряд ли была бы возможна. Я также благодарен сотрудникам кафедры Ю.А. Борисенку и З.С. Ненашевой, которые обстоятельно комментировали текст кандидатской диссертации перед выходом на защиту.

Я признателен всем специалистам, чьи ценные рекомендации и замечания помогли мне на разных этапах подготовки исследования. Это оппоненты на защите моей кандидатской диссертации А.Ю. Бахтурина, М.А. Булахтин и А.И. Миллер, а также мои коллеги по Институту славяноведения РАН – коллектив отдела истории славянских народов периода мировых войн во главе с Е.П. Серапионовой и сотрудники отдела восточного славянства Е.Ю. Борисенок и М.Э. Клопова.

В 2015–2020 годах я несколько раз выезжал во Львов для работы в местных архивах и библиотеках. Получить соответствующий доступ мне помогла кафедра истории Центральной и Восточной Европы Львовского национального университета имени И. Франко и лично заведующий кафедрой Л.А. Зашкильняк. После событий 2014 года я был одним из немногих российских историков, которые имели возможность посещать архивохранилища Украины. Сотрудники архивов и библиотек Львова вели себя профессионально и доброжелательно, и мои львовские штудии протекали в комфортных условиях.

Важным подспорьем в изысканиях мне служили друзья и однокурсники: Анна Корнеева и Анна Степанова помогали с литературными переводами с немецкого и французского языков, Аксинья Кудряшова и Тимур Максудов – с поиском и копированием литературы в немецких и польских библиотеках. В дискуссиях с друзьями по *alma mater* рождались новые мысли и идеи для будущей книги.

Введение

Одним из государств, на которые распалась многонациональная Австро-Венгрия после Первой мировой войны, была Западно-Украинская народная республика (ЗУНР), провозглашенная 13 ноября 1918 года украинскими деятелями Галиции и Буковины. Просуществовав восемь месяцев, это государство пало в борьбе с Польшей, но опыт государственности и войны с поляками оказал большое влияние на самосознание и дальнейшее поведение восточнославянского населения Галиции. Выпускник Дрогобычской гимназии И. Пасичинский, в 1911 году подчеркивавший, что он не «кацап» и не «украинец», а именно «русин», после Украинско-польской войны уже уверенно называл себя «сыном свободной Украины»¹.

Трудно сказать, когда именно произошел перелом в самоопределении Пасичинского и десятков тысяч его соплеменников – в конце 1918 – середине 1919 года или в течение предыдущих четырех лет, – ведь Первая мировая и польско-украинская войны для галичан были неразрывным процессом. Ожесточенные бои во Львове начались даже раньше, чем монархия Габсбургов подписала перемирие с державами Антанты, а ее русинские подданные смогли вернуться домой. Так, военный врач М. Каровец, проходивший службу на итальянском фронте, узнал о событиях на родине в первых числах ноября, когда его полк следовал с итальянского фронта в Македонию: «На Дунае сказали нам какие-то венгерские солдаты, что Галиция уже отделилась от Австрии. И мы не знали, что Австрии уже не спасем и что еще 1 ноября в Галиции уже было украинское государство»². Таким образом, рассуждая, что повлияло на распространение украинской идентификации среди русинов Галиции и Буковины, мы не можем отделить события середины 1914 – конца 1918 года от перипетий Украинско-польской войны.

Вместе с тем мы видим, что созданию ЗУНР предшествовала многолетняя деятельность украинских политиков и активистов монархии Габсбургов – тех, кого философ Н. Шлемкевич впоследствии назовет «украинской ведущей прослойкой» (*укр.* «провідна верства»). Именно в годы войны украинские деятели Австро-Венгрии подготовили почву для провозглашения отдельного государства, обеспечения лояльности населения и создания боеспособной армии. По мнению того же Шлемкевича, в беспокойные дни ноября 1918 года «творческий пафос ведущего слоя, а именно интеллигенции, был значительно сильнее силы народной стихии»³. Этот тезис не бесспорен, но роль организованного национального движения в подготовке условий для провозглашения ЗУНР трудно переоценить.

Многие исследователи из стран Центральной и Восточной Европы считают создание национальных государств после Первой мировой войны закономерным итогом исторического развития наций, их многолетней борьбы за независимость. При этом игнорируются как внутренние процессы, побудившие национальные элиты обратиться к идее независимости, так и внешние факторы – поддержка со стороны «своих» и иностранных государств, обстоятельства войны, связи с другими национальными движениями, наконец, кризисы многонациональных империй на завершающем этапе мировой войны⁴. При таком подходе трудно объяснить, как могло случиться, что украинское движение в Австро-Венгрии, которое полвека демонстрировало лояльность имперскому центру и не вынашивало сепаратистских планов, 1 ноября 1918 года заменило прежний лоялизм знаменем национальной государственности. Какую же политику реально вели на протяжении войны украинские деятели Галиции и Буковины в отношении монархии Габсбургов? Какие цели и задачи они считали для себя первоочередными и жизненно важными? Как, когда и под влиянием каких факторов и событий они переориентировались на независимость? Наконец, какими средствами и методами украинское движение пополняло свои ряды и расширяло свое влияние?

В настоящей работе украинское национальное движение в Австро-Венгрии впервые комплексно рассматривается как самостоятельный проект, а национальная мобилизация – как процесс и метод нациестроительства. Предметное внимание уделяется взглядам и поведению тех украинских деятелей, которые остались в оккупированных русской армией Галиции и Буковине и были сосланы вглубь Российской империи.

Под украинским национальным движением мы подразумеваем совокупность людей, которые считали украинцами себя и все восточнославянское население империи Габсбургов и содействовали распространению украинской идентификации⁵ среди этого населения. Речь идет именно о национальном, а не националистическом движении – об организованной попытке обрести атрибуты полноценной нации, не предполагавшей абсолютного приоритета ценностей нации над другими ценностями (в этом отличие от национализма)⁶. Средством, с помощью которого украинское движение расширяло влияние среди населения, была национальная мобилизация. Современный российский политолог С.Н. Цибенко характеризует национальную мобилизацию как «стратегически организованную, целенаправленную, долгосрочную деятельность по организации ресурсов для вовлечения индивидов и групп в коллективную деятельность с целью формирования и поддержания национальной идентичности»⁷. Движущей силой этого процесса были украинские политики и активисты, по определению этнографа М.Н. Губогло, «мобилизаторы»⁸. Провозглашая целью помощь представителям своей нации, «мобилизаторы» фактически метили именно в тех, кто не идентифицировал себя как ее представителей⁹. В этом смысле главной мишенью украинского движения в Австро-Венгрии были русинские крестьяне.

Необходима ремарка об употреблении терминов «русины» и «украинцы». Советские ученые, а также современные украинские и некоторые западные историки называют украинцами все восточнославянское население Галиции и Буковины в 1914–1918 годах. Однако, во-первых, не все русины считали себя украинцами, а во-вторых, называя украинцами даже русофилов, исследователи порой создают путаницу и противоречат самим себе. Так, современный историк С. Пахолкив пишет, что дискуссии между украинофилами и русофилами были «внутренними дискуссиями украинцев по поводу собственного вектора развития», а затем тут же добавляет, что «украинскую идентичность... русофилы оспаривали как таковую»¹⁰. Опираясь только на понятия «украинцы» и «украинский», автор не дает читателю возможности проследить сам процесс вытеснения этнонима «русины» («русские») этнонимом «украинцы».

В настоящей работе украинцы фигурируют не как этнографически определяемая группа, а как сообщество, принадлежность к которому определялась индивидуальной идентификацией с украинской нацией¹¹. Когда речь идет не только о тех, кто считал себя украинцами, мы используем определения «русины» и «восточнославянское население». Понятия «украинцы» и «украинский» применительно ко всем русинам используются, в соответствии с подходом историка А.И. Миллера, только при изложении взглядов и планов деятелей украинского движения, мысливших этими категориями в их современном значении¹².

Обзор научной литературы

Первые попытки осмыслить роль украинского движения в Австро-Венгрии в минувшую войну предпринимались еще в 1920-х годах – журналисты и публицисты задавались вопросом, почему украинский национальный проект в 1918 году не был реализован. Некоторые авторы ставили это в вину всем соотечественникам – «в первую очередь лояльным гражданам Австрии, а уже после, и только в рамках этой лояльности, украинским патриотам»¹³, – но большинство критиковало за избыточную лояльность только нерешительных политиков, которые,

приветствуя революцию в российской Украине, не готовы были принять ее у себя¹⁴. В 1930-х годах появились первые фундированные работы по истории украинского движения в империи Габсбургов во время войны, написанные на основе доступных мемуаров, документов и прессы. Их авторы, А. Кузьма и О. Думин, также противопоставляли общественность, которая постепенно избавлялась от лояльности Вене, политикам с их «заядлой сервильностью»¹⁵.

Оправдать себя и коллег пытался К. Левицкий, в период войны – ведущий украинский политический деятель Галиции. В своих трудах он доказывал, что именно благодаря политикам украинская национальная идеология во время войны «кристаллизировалась и крепла», а народные массы «стали нацией»¹⁶. Польский историк Ю. Скшипек, в 1939 году издавший очерк «Украинцы в Австрии во время Великой войны и генезис переворота во Львове», придерживался схожего мнения: лидеры украинцев искренне стремились к единению с соплеменниками из России и лишь по тактическим соображениям не заявляли об этом активно¹⁷.

Во второй половине XX века ученые – выходцы из Западной Украины, оказавшиеся в эмиграции, смягчили отношение к украинским политикам Австро-Венгрии. М. Стахив и П. Мирчук писали, что в годы войны те поддерживали Австро-Венгрию из безысходности, активно отстаивая права соплеменников, а к концу 1916 года и вовсе переориентировались на «доктрину борьбы собственными силами народа»¹⁸.

Советская историография стала уделять внимание истории Западной Украины после ее присоединения к УССР в 1939 году. Поначалу исследователи не разделяли украинское население Австро-Венгрии и политиков¹⁹, но к концу 1940-х годов позиция изменилась. В «кратком курсе» истории Украины (1948) западноукраинские политики начала XX века противопоставлялись простому народу, который стремился воссоединиться с братьями в России²⁰. С тех пор к ним применялось укоренившееся в советском официальном лексиконе понятие «украинские буржуазные националисты». В 1950—1960-х годах этот подход закрепили работы В. Осечинского²¹ и И. Компанийца²², посвященные событиям 1914–1918 годов на Западной Украине. Авторы фокусировались именно на борьбе «народных масс», а не «буржуазно-националистических организаций и деятелей»²³. Украинских политиков эти историки называли «преданными трубадурами» и «верными холопами» немецкого империализма и агентами австрийской разведки. Осечинский и Компаниец подчеркивали социальный, а не национальный характер противоречий в Галиции, указывая на сходство между политикой украинских и польских «буржуазных националистов» и противопоставляя их «трудовым массам» обеих национальностей²⁴. Решение провозгласить независимую республику в октябре 1918 года историки объясняли желанием «буржуазных националистов» использовать «последствия освободительного движения» в своих интересах и задушить революционный подъем в регионе²⁵.

Вектор, заданный Осечинским и Компанийцем, до самой перестройки доминировал в советской историографии: украинские политики Австро-Венгрии показывались предателями национально-освободительного движения, которые до конца были верны Габсбургам и лишь в последний момент использовали ситуацию в своих интересах²⁶. Попытки пересмотреть картину жестко пресекались. Самый известный пример – случай с историком А. Карпенко. В 1958 году его статья «К вопросу о характере революционного движения в Восточной Галиции» была разгромлена на ученом совете Института общественных наук при ЦК КПСС. Главным предметом критики был тезис, что революция в ноябре 1918 года носила национально-демократический характер, а ЗУНР была плодом не «контрреволюционных действий украинской буржуазии», а «революционного движения народных масс». На научной карьере Карпенко это не поставило крест, но ему показательно преподали урок, который надлежало усвоить и другим историкам²⁷.

Тезис о постепенном переходе украинцев на центробежные позиции по мере ослабления Австро-Венгрии поддержали канадские историки украинского происхождения О. Субтельный и П. Мэгочи, чьи общие работы по истории Украины во многом определили нарратив современной украинской историографии²⁸. Сегодня украинские историки в целом разделяют этот подход, хотя и с полутонами – одни считают, что до октября 1918 года лидеры украинцев империи всегда претендовали как максимум на создание автономной провинции в составе Австрии²⁹, другие называют водоразделом между лояльностью и нелояльностью Вене ноябрь 1916 года³⁰.

Получение доступа к материалам германских и австрийских архивов во второй половине XX столетия дало историкам новый импульс к изучению взаимоотношений между украинским движением в Австро-Венгрии и Берлином и Венной. Исследователь из ГДР Х. Лемке показал, что успехи украинского движения были во многом обусловлены совпадением их планов с намерениями австро-венгерских военных³¹. Австрийский исследователь В.-Д. Биль считал, что Вена и Берлин вели себя непоследовательно по отношению к украинцам и не использовали всех возможностей украинской политики³². В последние десятилетия XX века сразу ряд историков обратили внимание на предвоенные переговоры между галицийско-украинскими лидерами и Венной: было установлено, что власти двуединой монархии придавали большое значение тому, какую позицию в случае войны займут украинские элиты³³.

Из украинских историков с материалами архивов Австрии и Германии работали С. Попик и А. Кураев. Первый выделял в украинской политике Вены 1914–1918 годов два этапа: до конца 1916 года имперский центр пытался решать проблемы украинцев, а затем начался новый период – «голословных заявлений, пустых обещаний, которые превращались иногда в открытое заигрывание»³⁴. А. Кураев пришел к выводу, что украинцы пытались вести свою политическую игру, на протяжении всей войны разжигая конкуренцию между Венной и Берлином. Историк разделял подходы двух держав к взаимоотношениям с украинцами: Австро-Венгрия, нуждаясь в поддержке поляков, шла на уступки украинцам лишь с ухудшением ситуации на фронтах. Германия, напротив, стремилась к контролю над польскими территориями и воспринимала украинцев как вспомогательный геополитический фактор³⁵.

С 1990-х годов появился ряд исследований, посвященных деятельности Украинских сечевых стрельцов³⁶. В украинской историографии большое внимание уделяется связям западноукраинских политиков с «коллегами»-политэмигрантами из России – участие последних в работе общеукраинского представительства было важным фактором противоречий между лидерами украинцев Дунайской монархии³⁷. Но в целом украинская политическая жизнь в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны не нашла всестороннего освещения даже в общих трудах. В некоторых работах «выпадает» 1917 год: один раздел о западных украинцах завершается ноябрем 1916 года, а другой повествует уже о 1918 годе³⁸.

Распространение украинской идентификации среди русинов Галиции и Буковины стало предметно разрабатываться украинскими историками сравнительно недавно: ранее известный канадский исследователь украинского происхождения Д.-П. Химка приходил к выводу, что к началу XX века русинские крестьяне «были интегрированы в украинскую нацию в Галиции и стали ее прочным хребтом», не придавая принципиального значения самоназванию этих крестьян³⁹. И. Мысак показала, что в начале XX века украинская идентификация стремительно набирала популярность среди молодежи⁴⁰. О. Калищук изучила деятельность западноукраинских активистов на оккупированной Волыни и попытки приобщить местное восточнославянское население к украинскому движению⁴¹. Т. Романюк и У. Уская показали значительную роль украинских организаций по внедрению понятий «украинец» и «украинский» в сферы

образования и делопроизводства⁴². А. Заярнюк⁴³ и Р. Лехнюк⁴⁴ прослеживали то, как во время войны «украинизировались» военнотружущие и представители греко-католического духовенства.

В современной российской историографии исследований по истории собственно украинского движения в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны не представлено. В первом обобщающем труде российских ученых по истории Украины, изданном в 2016 году, этой теме отведено несколько строк⁴⁵. На стыке 1990-х и 2000-х годов интерес к украинскому движению проявил А.И. Миллер – с одной стороны, он разрабатывал галицийские сюжеты⁴⁶, с другой – изучал развитие украинского движения в России, тесно связанного с соратниками по ту сторону границы⁴⁷. В.Н. Савченко в монографии «Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг.» отметил, что в годы Первой мировой войны в регионе наблюдались две противоречивые тенденции – успешная польско-католическая колонизация и рост национального самосознания у восточнославянского населения, как в «русском», так и в «украинском» ключе⁴⁸. Впоследствии Савченко дополнил свои наблюдения в ряде статей⁴⁹.

Несколько статей о проблемах западноукраинской политической истории начала XX века опубликовала историк-полонист И.В. Михутина⁵⁰. А.Ю. Бахтурина в монографии о национальной и конфессиональной политике русской оккупационной администрации в Галиции продемонстрировала, что непродуманные кадровые решения и насаждение православия способствовали разочарованию галичан в русской власти⁵¹. М.Э. Клопова в работе «Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века», посвященной довоенному развитию национальных движений Галиции, подчеркнула особую роль внешних факторов в развитии украинского и русофильского движений в канун войны⁵².

Польские ученые обычно затрагивали проблемы австрийских украинцев в годы Первой мировой войны в общегалицийском контексте, и их основное внимание фокусировалось на поляках Галиции. Так, если в работе Е. Паенка «От автономии до независимости», посвященной Галиции в годы войны, внимание украинцам уделяется на всем протяжении книги⁵³, то в монографии Д. Шимчака о министерстве по делам Галиции они фигурируют лишь эпизодически⁵⁴.

Итак, история украинского движения в Австро-Венгрии в 1914–1918 годах в научной литературе до сих пор была представлена не во всей полноте. Большим «белым пятном» в его истории остается весь 1917 год. Почти не исследовались противоречивые взаимоотношения внутри западноукраинского лагеря. Сильными сторонами историографии вопроса были связи западноукраинских политиков с соотечественниками-политэмигрантами из России и взаимоотношения с австро-венгерскими и германскими властями.

Обзор использованных источников

Материал для монографии собран в российских, украинских и польских архивах и библиотеках. Источниковая база включает как неопубликованные архивные источники, так и опубликованные материалы: мемуары, дневники, корреспонденцию, прессу и публицистику. Охарактеризуем массив использованных источников по проблемному принципу.

Украинская политическая деятельность в Австро-Венгрии времен войны отражена в первую очередь в документах украинских партий и организаций. Большая их часть хранится в фондах Центрального государственного исторического архива Украины во Львове (далее ЦГИАУЛ). Это учредительные документы, протоколы и резолюции заседаний Всеобщего украинского совета, а также меморандумы и коммюнике Украинского парламентского представи-

тельства в рейхсрате. Некоторые меморандумы и пояснительные записки украинских организаций опубликованы в первом томе сборника «События на Украине 1914—1922», который издал в 1960-х годах в США украинский эмигрант Т. Горникевич⁵⁵. Ряд документов украинских организаций включил в текст своей «Истории освободительной борьбы...» К Левицкий. Немаловажным источником являются протоколы заседаний австрийского рейхсрата, где в 1917—1918 годах украинские политики многократно озвучивали свои требования и делали заявления⁵⁶.

Важным средством выражения политической позиции украинских деятелей была публицистика. Многие публикации на политические темы выходили на страницах газет и журналов, но некоторые появлялись в ежегодниках разных изданий и организаций⁵⁷ или печатались в виде брошюр, как работы М. Лозинского⁵⁸, Л. Цегельского⁵⁹ и других авторов⁶⁰.

Из опубликованной корреспонденции украинских деятелей можно выделить переписку эрцгерцога Вильгельма Габсбурга, который в 1917—1918 годах активно сотрудничал с украинскими политиками⁶¹, а также сборники писем епископа Перемышльского Константина Чеховича, ученых и педагогов К Студинского, С. Рудницкого, А. Крушельницкого, И. Пулюя⁶². В основном же в работе использовались неопубликованные письма, большей частью из фондов ЦГИАУЛ и отдела рукописей Львовской национальной научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (далее ОР ЛННБУ). Сотни писем разных адресатов хранятся в фондах газеты «Діло» и украинских политиков и ученых К. Студинского, В. Охримовича, Ю. Романчука, В. Старосольского, В. Томашевского. В фонде Научного общества имени Шевченко отложилась корреспонденция видного галицийского деятеля Е. Олесницкого, а в фонде Украинского парламентского представительства в рейхсрате – письма влиятельного буковинского политика Н. Василько. В ОР ЛННБУ, в фонде Барвинских, хранятся эпистолярные материалы лидера украинских христианских консерваторов А. Барвинского.

Некоторые детали поведения украинских коллег в годы войны описаны в дневниках и мемуарах польских политиков: Л. Билиньского, С. Гломбиньского, В. Витоса, С. Ланьцуцкого, В.Л. Яворского⁶³. «Польский взгляд» на украинское движение просматривается и по донесениям Ф. Чаки, сотрудника МИД Австро-Венгрии, информировавшего польских политиков о политической обстановке в Вене. Они хранятся в Национальном архиве в Кракове. Отдельные материалы, проливающие свет на детали украинско-польской конфронтации в годы войны, хранятся в варшавском Архиве новых актов среди документов Ю. Твардовского, де-факто министра по делам Галиции в 1917—1918 годах, и в фонде «Коллекция обработок и копий документов, касающихся отношений Польши с Литвой, Латвией, Российской Советской Республикой и Украиной» того же архивохранилища.

Проблема взаимоотношений между украинскими политиками отражена в опубликованных воспоминаниях. К. Левицкий, помимо своей «Истории освободительной борьбы...», издал очерки о западноукраинских политиках середины XIX – начала XX века, изобилующие ценными личными характеристиками⁶⁴. Ряд статей с воспоминаниями о деятельности коллег в годы войны оставил представитель УНДП С. Баран⁶⁵. Некоторые сведения о работе украинских политических партий и организаций в 1914—1918 годах дают воспоминания политиков И. Макуха, Л. Ганкевича, Т. Войнаровского, О. Назарука, Т. Окуневского, В. Стефаника⁶⁶.

Связи украинских политиков с украинскими политэмигрантами из России освещаются в мемуарах В. Дорошенко, А. Скорописа-Иолтуховского и Н. Зализняка⁶⁷. Большой материал для размышлений по этой проблематике дает переписка украинских деятелей Австро-Венгрии с политэмигрантом из России В. Степанковским, обнаруженная в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фонде Украинского пресс-бюро в Лозанне (ф. Р-7050), которое Степанковский возглавлял.

Опубликованные источники по истории Украинских сечевых стрельцов (УСС) представлены преимущественно мемуарами. Архивные документы, связанные с УСС, хорошо известны украинским ученым и введены в оборот, но до сих пор не опубликованы отдельным сборником – последняя большая подборка «стрелецких» материалов вышла в 1967 году в эмигрантском сборнике «За волю Украины»⁶⁸. Из политиков, которые имели отношение к УСС, воспоминания оставили бывшие офицеры легиона М. Галушинский, С. Шухевич и Н. Угрин⁶⁹, а также главный инициатор его создания К Трилевский⁷⁰. Воспоминания офицеров и бойцов УСС исчисляются сотнями. В основном это рассказы об участии в добровольческой военной организации и изложение личных впечатлений⁷¹.

Взаимоотношения украинцев и русофилов, а также репрессии против тех и других во время войны отражены в воспоминаниях украинского деятеля В. Маковского об австро-венгерском лагере для интернированных Талергоф⁷², а также в свидетельствах, опубликованных на страницах «Талергофского альманаха», – многотомной подборки документов и воспоминаний о преследованиях галичан, издаваемой русофилами в межвоенной Польше⁷³. В Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фонде известного галицийского русофила Д. Вергуна (ф. 909), который во время Первой мировой войны находился в России, хранятся материалы, связанные с деятельностью русофильского движения накануне и во время войны: документы организаций, поддерживавших связь с Галицией, переписка Вергуна с единомышленниками и земляками.

Взаимоотношения украинцев с русскими оккупационными властями в Галиции отражены в целом ряде источников. Некоторые бумаги русской администрации хранятся в ЦГА-АУЛ, в фонде «Канцелярия Перемышльского губернатора». Ряд статей и воспоминаний о военной оккупации Галиции из малотиражных изданий составили в сборник «Московская оккупация Галиции 1914–1917 гг. в свидетельствах современников», выпущенный в 2018 году во Львове⁷⁴. Ценная информация содержится в русофильских газетах «Прикарпатская Русь» и «Голос народа», которые выходили в 1914–1915 годах в занятом русскими войсками Львове.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) сохранились десятки подборок документов по украинскому вопросу и проблемам политики России по отношению к Галиции и Буковине. Особое значение имеют записки и меморандумы, составленные тайным агентом МИД в Берне В.П. Сватковским, – тот перенаправлял в Петроград информацию, полученную по своим каналам от австрийских украинских политиков. Материалы Сватковского проливают свет на суждения, которые австрийские украинцы не могли выразить публично или в переписке, и содержат любопытные сведения об их деятельности в годы войны.

Судьбы украинских военнопленных и ссыльных в России прослеживаются по документам ГАРФ. В фонде П.Н. Милокова собраны письма оказавшихся в России галичан с просьбами о помощи. В фонде Министерства юстиции удалось обнаружить разрозненные сведения о судьбе некоторых депутатов рейхсрата, сосланных вглубь России после оккупации русскими войсками Галиции и Буковины, а именно М. Петрицкого и буковинца Н. Спицула. Сведения об их коллеге Т. Старухе были обнаружены в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИАЧР).

Исчерпывающе освещена в опубликованных документах деятельность униатского митрополита Галицкого Андрея Шептицкого: в конце 1990-х годов на Украине издали часть его корреспонденции и бумаг военного времени, а также материалы, связанные с пребыванием иерарха в ссылке в России⁷⁵. В 2002 году обширная подборка документов российских ведомств, связанных с Шептицким, вышла в журнале «Исторический архив», ее основу составили ранее не публиковавшиеся материалы АВП РИ⁷⁶.

Свидетельств настроений украинцев на местах на разных этапах войны опубликовано мало. Из официальных источников палитру настроений украинского населения проясняют донесения поветовых старост и других чиновников, хранящиеся в ЦГИАУЛ, в фонде Галицийского наместничества во Львове. В основном же позиция западных украинцев прослеживается по воспоминаниям, которые появлялись спустя десятилетия после описываемых событий и едва ли точно передают ощущения тех времен⁷⁷. Интересный дневник оставил после себя украинский деятель из города Коломыя В. Глинский, в нем скрупулезно описаны события русской оккупации и последних двух лет ВОЙНЫ⁷⁸.

Кладезем интересующих нас свидетельств является фонд Заклинских (ф. 48) в ОР ЛННБУ, где собрана корреспонденция между членами этой семьи и сотнями третьих лиц: от известных политиков до провинциальных активистов, от сечевых стрельцов до оказавшихся в Сибири военнопленных. Материалы из собрания Заклинских помогают расширить представления о гамме настроений австрийских украинцев на разных стадиях войны.

Коллекцию семьи Заклинских дополняют эпистолярные материалы из фондов журналиста И. Калиновича и письма к жене известного украинского деятеля О. Маковея. Некоторые документы, связанные с историей украинского движения в годы войны, хранятся в фонде «Отдельные поступления». Материалы ОР ЛННБУ, касающиеся истории Первой мировой войны, почти не введены в оборот украинскими историками. Особенно это касается писем из фонда Заклинских. С большинством из них до автора этих строк никто не работал, хотя последний из братьев Заклинских, Ростислав, до своей смерти в 1974 году успел систематизировать семейный архив и снабдил многие единицы хранения информационными справками.

Подготовка взятия украинцами власти в Галиции и Буковине и провозглашение ЗУНР в ноябре 1918 года освещены в мемуарной литературе и документальных публикациях очень хорошо. Сотни материалов, связанных с этими эпизодами, вошли в пятитомный сборник документов по истории ЗУНР, изданный коллективом украинских ученых в 2001–2012 годах⁷⁹. Одни политики (К Левицкий⁸⁰, Л. Цегельский⁸¹, В. Панейко⁸², А. Артимович⁸³) опубликовали отдельные воспоминания о предыстории создания ЗУНР, другие (Е. Попович, А. Чернецкий) сделали в своих мемуарах особый акцент на этом этапе⁸⁴. Первые заседания УНСовета и атмосферу во Львове в преддверии 1 ноября 1918 года детально передал в своем дневнике один из лидеров стрелецкого движения И. Боберский⁸⁵. Контакты западных украинцев с соплеменниками с востока в 1918 году освещены в воспоминаниях политиков из Поднепровской Украины: А. Севрюка, П. Скоропадского и Д. Дорошенко⁸⁶, а также в дневниках Д. Донцова и Е. Чикаленко⁸⁷. Широко известны мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернина⁸⁸, в которых содержатся сведения о роли украинских политиков Австро-Венгрии в брестских мирных переговорах Центральных держав с УНР.

Массив опубликованных источников дополняют архивные материалы: в фонде политика Осипа Назарука в ЦГИАУЛ отложились написанные им от руки протоколы заседаний УНСовета в последние дни перед провозглашением ЗУНР. В варшавском Архиве новых актов сохранилась подборка переводов донесений украинских активистов о взятии власти в городах и поветах Галиции в ноябре 1918 года.

Глава 1

Украинцы империи к началу войны: объекты и субъекты национальной мобилизации

1.1. Украинское движение в Дунайской монархии на пути к 1914 году

В державе Габсбургов восточнославянское население имело значительный удельный вес в трех регионах: Подкарпатской Руси (Закарпатье), Галиции и Буковине. В 1867 году Австрийская империя была преобразована в дуалистическую Австро-Венгрию, и эти регионы разошлись по разные стороны: первый вошел в состав Транслейтании (земли венгерской короны⁸⁹), а второй и третий – остались под управлением Вены, став частями Цислейтании. Сами автохтоны Галиции и Буковины называли себя «русинами», а в официальных документах на немецком языке именовались «рутенами» («die Ruthenen»). К концу XIX века этноним «украинцы» стал превалировать в среде русинской интеллигенции. Если у русинов Закарпатья украинская идентификация почти не была распространена, то в Галиции и на Буковине к началу XX века украинские деятели уже объединились в политические партии и избирались в австрийский парламент (рейхсрат) и местные представительные органы – галицийский и буковинский сеймы (ландтаги). Именно поэтому, говоря об «украинцах Австро-Венгрии», мы имеем в виду «украинцев Австрии».

Королевство Галиции и Лодомерии с центром во Львове, или просто Галиция, было самым крупным по площади коронным краем Цислейтании и составляло более четверти ее территории. В 1914 году во всей Галиции проживало 3 млн 380 тысяч русинов, то есть около 42 % населения региона, что немного уступало доле поляков (46,5 %). В составе Галиции выделялись две части – западная с центром в Кракове и восточная с центром во Львове. Если в Западной Галиции к 1910 году поляки составляли 88,2 %, евреи – 7,9 %, а русины – всего 3,6 %, то в Восточной Галиции – 24,5, 12,4 и 62,4 % соответственно. Таким образом, почти все галицийские русины проживали в восточной половине региона. Более 90 % их были крестьянами⁹⁰. Во Львове же русинов насчитывалось всего 19,1 %, тогда как поляков – 51,2 %, а евреев – 27,8 %. При этом почти все львовские евреи и многие русины в быту говорили по-польски. Как следствие, в социокультурном отношении Львов был безусловно польским городом⁹¹.

В коронном крае Герцогство Буковина с центром в Черновцах к 1910 году русины составляли 38,4 % населения и преобладали в северных районах, а румыны – 34,4 % и жили в основном на юге⁹². Значительный удельный вес в регионе имели также евреи (12,9 %), немцы (8,1 %) и поляки (4,6 %). Как и в Галиции, более 90 % местных русинов были крестьянами. В городах преобладали евреи.

Русины Галиции и Буковины, в отличие от малороссов по ту сторону границы, могли развивать национальную и культурную жизнь и получать образование на родном языке – принятая в 1867 году конституция гарантировала это право всем народам Цислейтании. Между галицийскими и буковинскими русинами существовал ряд различий: первые, за редким исключением, исповедовали грекокатоличество, вторые – в основном православие⁹³. Если в Галиции принадлежность к украинцам (русинам) определялась по вероисповеданию, то на Буковине – по языку, поскольку большинство румын тоже были православными. Наконец, на Буковине ни один народ не занимал доминирующего положения: политические споры разрешались в рамках

межнациональных коалиций. Историки выделяют особое региональное сознание, построенное на основе межнационального согласия и многоязычия – так называемый «буковинизм»⁹⁴. В Галиции же во всех сферах первенствовали поляки: наместник императора назначался из числа польских аристократов, ключевые посты в администрации занимали поляки, делопроизводство велось на польском языке. Попытки русинов изменить статус-кво блокировались влиятельным польским лобби в Вене⁹⁵.

Во второй половине XIX века среди русинов Галиции зародились два политических течения – русофильское и народовское. Русофилы считали галицийских русинов частью большого русского народа, проживающего на территории от Карпат до Урала, а народовцы – частью единого украинского народа на территории от Карпат до Кавказа. Костяк русофильского лагеря составляли греко-католические священники и люди консервативных взглядов. Среди народовцев поначалу преобладали студенты, гимназисты и семинаристы. Русофилы не желали брать за основу литературного языка «народный» диалект и использовали в печати так называемое «язычие» – церковнославянский язык с примесью польских, русских и «своих» слов. Народовцы, вдохновленные творчеством Тараса Шевченко, наоборот, стремились создать литературный язык на основе крестьянского просторечия. Во Львове они основали общество «Прогрессивное» (1868) и «Общество имени Т. Шевченко» (1873).

Галицийские народовцы редко бывали на Поднепровской Украине и вообще за пределами своего региона и считали путешествия «лишней и ненужной вещью», причем не столько из-за нехватки средств, сколько ввиду отсутствия «культурных и художественных потребностей»⁹⁶. Как отмечал один из мемуаристов, украинские политики Галиции старшего поколения разве что изредка выезжали в Италию подлечить ревматизм⁹⁷. Неудивительно, что долгое время Поднепровская Украина оставалась для них идеализированным национальным мифом. Народовцы зачитывались литературой о казаках, «затирали до дыр» издания Шевченко, наряжались в казачьи костюмы и называли друг друга «гетманами» и «есаулами»⁹⁸. В 1862 году в гимназии города Самбора была создана первая в Галиции «громада» – по подобию одноименных организаций Поднепровской Украины⁹⁹. Сближению народовцев с единомышленниками из Российской империи способствовали ограничительные меры Санкт-Петербурга по отношению к украинскому языку, а именно «Валуевский циркуляр» 1863 года и «Эмский указ» 1876 года, подтолкнувшие ряд видных украинских деятелей перебраться из России в Австро-Венгрию¹⁰⁰. Но этот интерес был односторонним: галичане, ездившие на Украину, не находили у местных «коллег» встречного энтузиазма¹⁰¹.

Народовские идеи среди образованной части галицийских русинов постепенно вытесняли русофильство. В 1874 году русофилы создали аналог «Просвиты», «Общество имени Качковского», но по числу членов и по аудитории его изданий оно уступало народовским организациям. В 1880 году народовцы основали ориентированную на массового читателя газету под названием «Діло», которая постепенно отодвинула на второй план русофильское «Слово» (в самом названии крылось противопоставление одного печатного органа другому) и стала самым многотиражным украиноязычным изданием в империи.

В середине 1870-х годов в Галиции возникло еще одно общественно-политическое направление украинского толка – радикальное. Главным идеологом этого течения был Михаил Драгоманов, профессор Киевского университета, после «Эмского указа» эмигрировавший в Швейцарию. Радикалы, как и народовцы, считали себя украинцами, но между ними были существенные различия. Осуждая за провинциальность и ретроградство и русофилов, и народовцев, радикалы предлагали галичанам альтернативную идеологию – аграрный немарксистский социализм. Радикализм стал типично галицийским явлением: русины Галиции были преимущественно крестьянами, и радикалы рассматривали как движущую силу революционного

движения именно крестьян, а не рабочих. Приверженцы этого течения выступали за сотрудничество с польскими трудящимися, резко критиковали польскую шляхту и духовенство. На первых порах существования радикального движения идеи Драгоманова поддерживала небольшая группа украинских студентов, в которой выделялись Иван Франко и Михаил Павлик¹⁰².

Именно к народоветскому и радикальному движениям восходили четыре украинские политические партии австрийской Галиции: национально-демократическая (УНДП), радикальная (УРИ), социал-демократическая (УСДП), а также Христианско-общественный союз (ХОС). Все они сформировались в 1890-х годах. К 1914 году в рейхсрате были представлены первые три, в галицийском сейме – первые две.

Первой партией украинского толка в Галиции и вообще в Австро-Венгрии стала Русинско-украинская радикальная партия (РУРП), учрежденная в 1890 году и позднее переименованная в УРП. Она переняла основные идеи радикалов – борьбу за права пролетариата и антиклерикализм. Особняком в партии стояла группа «молодых» радикалов, в чьих воззрениях сочетались марксизм и национальная идея. В 1895 году представитель этой группы Ю. Бачинский издал работу «Украина irredenta», в которой впервые выдвинул и обосновал идею политической независимости Украины.

В 1890 году лидеры народоветов договорились с польскими элитами Галиции о компромиссе: поляки гарантировали русинам уступки в образовательной, языковой, экономической и политической сферах. Решающую роль в достижении этого компромисса играла Вена. Во взаимоотношениях народов была провозглашена «Новая эра», но продолжалась она недолго. К 1894 году, видя, что ситуация почти не меняется, большинство народоветов разочаровались в «Новой эре», и движение раскололось¹⁰³. Сторонники сохранения компромисса при поддержке галицийской администрации вскоре создали партию Католический русинско-народный союз (КРНС), по сути – малочисленное объединение консервативных священников и чиновников. Лидером этой партии был Александр Барвинский. В программе КРНС соединились консервативные ценности и тезис, что украинская нация должна формироваться не на этнической, а на конфессиональной основе. При поддержке властей на выборах 1897 года в рейхсрат КРНС получил шесть мандатов из девяти, доставшихся украинцам, но после выборов партия никак себя не проявляла. В 1901 году ситуация повторилась: КРНС был реанимирован под названием «Русинская громада», провел своих представителей в рейхсрат, а затем прекратил активность¹⁰⁴.

После смерти в 1895 году М. Драгоманова в РУРП начался разлад. Одни партийцы сохранили верность идеям покойного лидера; другие углубились в марксизм; третьи – сблизились с противниками «Новой эры» из числа народоветов и начали подготовку к созданию новой политической силы. Это должна была быть общенациональная партия – выразительница интересов большинства украинцев¹⁰⁵. Так в конце 1899 года появилась Украинская национально-демократическая партия (УНДП). В принятой на учредительном съезде программе УНДП окончательной целью украинцев называлась «независимость всего украинско-русинского народа в вопросах культуры, экономики и политики, а также [его] объединение в один национальный организм»¹⁰⁶.

Тогда же, в 1899 году, левое, марксистское крыло РУРП организовалось в Украинскую социал-демократическую партию (УСДП). Фактически это была автономная составляющая Австрийской социал-демократической партии, не имевшая собственной программы с учетом галицийской специфики. По договоренности с Польской социал-демократической партией Галиции и Силезии (ППСДГиС) УСДП вела работу только в сельской местности. Как следствие, партия развивалась медленно: первый съезд прошел лишь в 1903 году, а первая местная ячейка была основана в 1907 году¹⁰⁷.

УНДП быстро стала флагманом галицийско-украинской политики. Она заявляла о себе как о «по-настоящему всенародной партии, под знаменем которой группируется сейчас огромное большинство нашего народа»¹⁰⁸. К 1914 году УНДП имела 18 из 24 украинских мандатов в рейхсрате и 23 из 30 в сейме (еще по два мандата в обоих случаях имели русофилы) и контролировала большинство украинских организаций и учреждений Галиции.

Наличие общего противника в лице поляков подталкивало украинские партии к консолидации в рейхсрате и сейме. Из четырех украинских политических сил, представленных в парламентах 1907 и 1911 годов избрания, – УНДП, УРП, УСДП и буковинцев, – неизменно сотрудничали только первые две. Сохранение единства для них было важнее разногласий по вопросам положения крестьянства и роли церкви. На парламентских выборах представители партий поддерживали друг друга ради получения обоих мандатов в округе¹⁰⁹. Так, в 1907 и 1911 годах радикал К Трилевский, безоговорочный лидер в своем округе, делал все для выигрыша второго мандата кандидатом от УНДП, «чтобы только не допустить избрания депутатом „кацапа“ или поляка»¹¹⁰.

Создать устойчивое объединение в рейхсрате украинским политикам не удавалось. В 1907 году национал-демократы, радикалы, буковинцы и даже русофилы образовали единый Русинский клуб, но к середине 1909 года там остались только члены УНДП и УРП. В 1911 году созыва даже радикалы создали отдельную фракцию и не стали присоединяться к коллегам из УНДП. Депутаты от Буковины под руководством Николая Василько были более лояльны Вене, чем галичане. Бывали случаи, когда исход голосования по предложению правительства зависел буквально от нескольких голосов, и Русинский клуб готовился выступить против, но в последний момент буковинцы голосовали за¹¹¹. УСДП вообще принципиально не объединялась в парламенте с «панами и попами»¹¹². В рейхсрате ее представители примыкали к интернациональной социал-демократической фракции. В буковинском сейме 1911 года созыва социал-демократ также был единственным украинцем, не примкнувшим к украинскому клубу¹¹³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.